

Шишков Вячеслав Яковлевич

Сибирский сказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
В99

В99 **Вячеслав Яковлевич Ш.**
Сибирский сказ / Шишков Вячеслав Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
182 с.

ISBN 978-5-521-31268-9

ISBN 978-5-521-31268-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КОЛДОВСКОЙ ЦВѢТОКЪ.

I.

Дѣдушка Изотъ — настоящій таежный охотникъ, медвѣжатникъ. Вдоль и поперекъ, на тысячу верстъ тайгу исходилъ: бѣлковать ли, медвѣдей ли бить, первый мастакъ. А соболю попадетъ — срѣжетъ за милую душу и соболя. И чего-чего онъ только не видалъ въ тайгѣ:

— Ты думаешь, эту просѣку люди вели? Нѣтъ... Это ураганъ саданулъ, ишь, какую широкую дорогу сдѣлалъ... А меня, парень, почитай на сотню сажень отмахнуло вихремъ-то, сколь безъ памяти лежалъ... А молодой еще тогда былъ, самосильный...

Изотъ и лѣшихъ сколько разъ въ тайгѣ видалъ:

— Онъ хозяинъ здѣсь... Только что хрененому человѣку онъ не душевреденъ... Иду какъ-то я съ Лыской, а онъ, пѣдло, нагнулъ рябину, да и жретъ прямо ртомъ...

Онъ и тунгусовъ, и шамановъ ихъ, самыхъ страшныхъ, самыхъ могучихъ, видывалъ:

— Тунгусовъ здѣсь, въ тайгѣ, много. Ухъ, и шаманы же у нихъ въ старину были: посмотришь на него разъ, умирать будешь — и то вспомнешь...

Бродить мнѣ по тайгѣ съ Изотомъ весело. Заговорить-заговорить — знай слушай.

Да и тайга зимой красоты небывалой. Вся опушенная бѣлымъ снѣгомъ, густая и непролазная, она кажется какой-то замороженной сказкой, какимъ-то волшебнымъ полусномъ.

Мы съ дѣдомъ еле тащимъ ноги, направляясь на ярко-золотой отблескъ вечерней зари.

Жучка, высунувъ языкъ, чернымъ пятномъ ныряетъ по сугробамъ и устало тявкаетъ, когда сорвавшаяся съ сосны шишка обнаружить притаившагося на вершинѣ звѣрька.

До нашего зимовья, крохотной лачуги, добрыхъ версты двѣ. Сумракъ все настойчивѣй выползаетъ изъ берлогъ и падей, заря гаснетъ, въ небѣ одна за другой вспыхиваютъ звѣзды.

— Ну-ка, паря, приналяжемъ, — кряхтитъ дѣдъ и надбавляетъ шагъ.

А вотъ и зимовье.

Маленькое, пять шаговъ въ длину, пять въ ширину, наскоро срубленное и кой-какъ протыканное мхомъ, оно намъ съ дѣдомъ милѣе каменныхъ палатъ.

Жучка хозяйственно обѣжала избышку и, полаявъ на всѣ четыре стороны, первая шмыгнула въ полуоткрытую дверь.

II.

Лишь только запылали въ каменкѣ лиственничныя дрова, мы съ дѣдомъ повалились на холодный земляной полъ и, посматривая на веселый огонекъ, плакали отъ ѣдкаго дыма, сразу наполнившаго всю избенку.

— Дѣдъ, открой, пожалуйста, дверь.

— Пошто?.. Этакъ, братъ, намъ и хаты не согрѣтъ. Уткнись, коли такъ, рыломъ-то въ шубу... Онъ чичась къ потолку подыметъ... Отъ-та-а-къ...

Дѣдъ подбросилъ еще охатку мелко наколотыхъ дровъ, огонь заболталъ о чемъ-то, затараторилъ по-своему, и воздухъ сталъ быстро нагрѣваться.

— Ну, садись, — скомандовалъ дѣдъ раскатистымъ своимъ басомъ, — а я дыру открою, надо дымъ на волю выпустить. — И, весь окутанный облаками дыма, полѣзъ на нары, чтобъ открыть подъ самымъ потолкомъ задвинутую доской продушину.

Черезъ полчаса мы, усѣвшись на разбросанныя по землѣ хвои, пили съ ржаными сухарями чай, а надъ нашими головами колеблющимся голубоватымъ положомъ плавалъ дымъ.

— Да-а-а... — тянетъ дѣдъ, настораживая къ костру котелокъ съ оленьимъ мясомъ — ты говоришь: тайга... Тайга, братъ, охо-хо-о-о-о... И народъ въ ней другой, особый, прямо тебѣ скажу, дикій народъ.

Дѣдъ у костра стоитъ вдвое перегнувшись и, опаски ради, придерживаетъ лѣвой рукой огромную свою живую бородищу.

— Да и вправду молвить, ну, кто округъ насъ есть живой? Медзѣдъ да тунгусъ, вотъ и свѣтъ весь... Куда ни кинься — тайга... Лѣсъ, лѣсъ да дыра въ небо... И никакой къ намъ пути-дороги... А все жъ таки...

Дѣдъ набилъ трубку, вытащилъ изъ костра головешку, закурилъ.

— А и промежъ насъ инымъ часомъ бываетъ... Нѣтъ, нѣтъ да и... Тьфу! чтобъ те пятнало, окаянаго! — вдругъ плюнулъ дѣдъ, — гляди, каку дыру прожогъ, — и, зажавъ дымящійся подолъ рубахи, принялся сердито ворошить палкой прогоравшія дрова.

— Что жъ промежъ васъ бываетъ-то?

— А какъ тебѣ сказать... Ну, быдто сумлѣнье въ голову вступить, куда-то поманить человѣка, душа вродѣ какъ скулить начнетъ... Вотъ взвился бы птицей, да улетѣлъ бы къ самому небушку... Да-а-а... А то тайга, тайга, никакого тебѣ вздыху нѣтъ... Скушно... Да вотъ погоди ужо, я те расскажу, какой случай могъ произойти съ однимъ человѣкомъ, прямо будемъ говорить, съ моимъ родителемъ.

Поужинавъ и разомлѣвъ въ теплѣ, мы стали свѣжевать съ дѣдомъ бѣлокъ: обдирали съ нихъ пушистыя шкурки и связывали ихъ хвостами вмѣстѣ по двѣнадцати штукъ, въ бунты.

Жучка, нажравшись до отвала бѣлокъ, подсѣла къ огоньку и вскорѣ, подремывая, стала клевать своимъ острымъ носомъ.

Дѣдъ притащилъ еще охапку дровъ и сказалъ:

— Ну, паря, давай укладываться спать.

— А случай-то?..

— А ты ложись, знай: ночь долгая... Поди, нама-
ялся день-то деньской...

III.

Мы лежимъ съ дѣдушкой Изотомъ на прикрытыхъ оленьими шкурами хвояхъ. Костеръ въ углу на каменкѣ ярко горитъ.

Черные, покрытые густой сажей, потолокъ и стѣны тихо колышатся въ лучахъ костра, а за крохотнымъ надъ скамьей оконцемъ, сквозь вставленную прозрачную льдинку, мерещится голубая таежная ночь.

Дѣдъ укрылся шубой, а голыя ноги поставилъ близехонько къ костру.

— Ну, вотъ, теперича, коли такъ, слушай...

Покряхтѣлъ, поскребъ обѣими руками лохматую голову, сладко зѣвнулъ и старательно закрестилъ ротъ.

— Ну, дакъ вотъ, я и говорю. На моихъ памятахъ это дѣло-то приключилось, а я въ та-поры мальцемъ былъ. Да. И вдругъ, братецъ ты мой, начали мы съ матерью замѣчать, что съ тятей чего-то неладное до-спѣлось, чего-то тосковать тятя началъ. А жили мы, надо тебя предупредить, справно. Сядетъ, бывало, тятя подъ окошко, подшибется рукой, да и сидитъ, какъ статуя, молча. — «Ты чего-й-то, Терентій?» — мамынька

окликнуть. — «Такъ, ничего». Мамынька на рѣку сбѣгаетъ, баню протопить, придетъ, а онъ все еще, подшибившись, сидитъ. — «Да ты бы хоть поѣлъ, на-ка щербы покушай». — «Нѣтъ, не надо». — «Не брюхо ли у тебя схватило?» А отецъ этакъ срыву отвѣтитъ: «Вотъ тутъ у меня болитъ... вотъ тутъ, понимаешь?» — А самъ по сердцу ладонью стучаетъ. «Ну-къ иди, не-то, въ баньку, похвощись». — «Дура!» — крикнетъ отецъ, вскочитъ, сорветъ съ гвоздя картузь, да маршъ вонъ. А мамынька — выть. Ужъ ночью придетъ батя домой, къ пѣтухамъ, почитай. Вотъ день, вотъ другой, вотъ третій... Батя все не въ себѣ. Потомъ оклемается — опять за работу... Недѣли двѣ такъ продюжить, а потомъ опять къ нему лихо причепится. Ахъ, ты, Господи. А то пить учнетъ. И пьетъ, и пьетъ, фу ты, пропасть. Такъ вотъ и маялся. — «Да чего это съ тобой, Терентій, сдѣлалось?» — мамынька спроситъ. — «Тоскливо мнѣ... Тоска... Понимаешь, тоска»... а у самого слезы. — «Дыкъ, дай я тебя натру, благословясь, сорокапритошникомъ, отъ сорока притоковъ, сорока болѣзней способствуетъ», — «Молчи, дура баба», — и весь сказъ. И вотъ, братецъ ты мой, теперича слушай, кака оказія стряслась. Спишь, нѣтъ?

— Я слушаю.

— То-то. Ну, вотъ... Заходитъ къ намъ въ этакое-то время бродяжка, такъ, мозглякъ какой-то, ночевать просится. Ну, что жъ, ночевать, такъ ночевать, мѣста не жалко. Накормили его, значить, напоили. — «Откуда Богъ несетъ?» — «По хрещенымъ хожу, питаюсь. А вотъ, говоритъ, верстахъ въ десяти отъ васъ — чудо». — «Какое чудо?!» — отецъ обра-

довался. «Да, говоритъ, по Нижней Тунгузкѣ изъ Енисейска города на Лену въ каторгу преступниковъ въ лодкѣ бичевой тянуть, а средь ихъ, говоритъ, знаменитый разбойникъ Горкинъ съ полюбовницей». — «А чѣмъ же онъ знаменитый?» — «Да его, говоритъ, никакія цѣпи, никакіе остроги не держутъ... Слово такое знаетъ, сколь разъ убѣгалъ... Самъ убѣжить, да еще человѣкъ съ двадцать уведетъ съ собою». У тятки и глаза загорѣлись, ажъ задрожалъ весь. — «Изотъ»! — кричитъ мнѣ тятя. — «Оболакайся живчикомъ, пойдемъ глядѣть». Ну, иначе мамынька умолила тятю, не потрогалъ меня, одинъ ушелъ. Вотъ ждать мы тятеньку, ждать, нѣту. Опосля того, этакъ черезъ недѣлю времени, брякъ въ окно: «Эй, отвори-тесь-ка». А ночь была глухая. «Ну, говоритъ, Акулина, вотъ чудо, дакъ чудо видалъ я», — и за чаемъ началъ намъ, значить, все по порядку, что и какъ.

До самага утра я, разиня ротъ, слушалъ.

«Вотъ, прихожу, говоритъ, я на Ерѣмину Луку, а тамъ, дѣйствительно, костеръ горитъ, а возлѣ костра люди. А туманъ такой стоялъ, что страсть. Вотъ по-привѣтствовалъ я, говоритъ, народъ. Гляжу, все чужіе. И вижу, у костра сидитъ женщина, краснымъ платочкомъ повязана. Какъ уперлась она въ меня глазищами, я такъ назадъ и подался: «Чего, говоритъ, испужался», — а сама возьми да улыбнись. Ну, такой женщины сроду, говоритъ, не видалъ, ну, до чего у ней, говоритъ, глаза удивительные, какъ стрѣлой разить, вотъ какъ. Ну, изъ себя тоже шибко хороша. Да. «А главная-то рыбина въ лодкѣ, въ шитикѣ», — говорятъ мнѣ. Я туда. Сидитъ мужичище, вродѣ цыгана, носъ горбатый, борода черная, цѣпами весь окованъ.

Какъ взглянулъ я на него, сробѣлъ, жуть на меня напала, плюнулъ я, вѣкъ, молъ, тебя не видѣть. Вотъ началъ народъ суетиться у лодокъ, время плыть, коней начали въ постромки вчаливать. А женщина встала, отряхнулась, бровью повела, ну, прямо королева: «Дозвольте мнѣ, говоритъ, на эту гору подняться. Лодку я догоню». А рѣка тутъ быстро бѣжитъ, лодку супротивъ воды тянуть трудно, лодка огромная-шитикъ. Старшій ей говоритъ: «Ну, ладно, иди, никуда ты въ тайгѣ не скроешься». Вдругорядъ улыбнулась женщина, подобрала юбочку, да айда на гору, а шитикъ тѣмъ временемъ съ разбойникомъ вверхъ повели. А я стою, говоритъ мой родитель, покойна головушка, ожидаюсь ее, прямо ну, вотъ, скажи на милость, все бы на нее глядѣлъ, ну, пдямо околдовала, дьяволь. Долго ли, коротко ли, говоритъ, ждалъ ну, только гляжу: спускается съ горы, маячитъ сквозь туманъ, сама въ веселыхъ мысляхъ и какой-то цвѣтокъ въ рукѣ держитъ, травинку: «вотъ, говоритъ, мужичокъ: сколь времени я такой цвѣтъ искала, нигдѣ не могла найти, опричь этого мѣста. Бѣги, говоритъ, мужичокъ, къ лодкѣ, а я съ этимъ цвѣткомъ подъ водой пойду, я васъ наздогоню». И не успѣла, батюшка ты мой, вымолвить, подбѣжала къ крутому берегу да чебурахъ въ воду, только гулъ пошелъ. Я: «ай-ай! караулъ!» да ну, по кустамъ вдоль берега тесать, быдто заяцъ... А туманъ страшный: сколь разовъ, говоритъ, я подъ берегъ кубаремъ леталъ. Ну, кой-какъ догонишь шитикъ: «Стой, кричу, стой. Женщина утопла!» Шитикъ къ берегу, я вскочилъ, говоритъ, туда, началъ все чередомъ обсказывать, такъ, молъ, и такъ, и вдругъ въ это самое времячко, какъ разыграетъ вода

подъ кормой, какъ вынырнетъ наша красавица-то: «Ну, вотъ и я!» а сама сухохонька, быдто и въ водѣ не бывала. Мы всѣ такъ и осатанѣли. Шапчонки сдержали, окстились. А она улыбается. А туманъ того гуще сталъ, все какъ въ молоко, вся округа. Народъ перепугался, шопоткомъ разговоры ведутъ, боятся, какъ бы она, колдовка-то, какого худа не сдѣлала: какъ махнетъ цѣткомъ, да оборотитъ всѣхъ медвѣдями, али гадиной какой. А она, братецъ мой, ровно бы угадала. «Вы меня не пужайтесь». Ну, мы ничего, оправились.

Мой родитель съ недѣлю съ ними плавалъ, она еще разовъ пятокъ этакимъ же побытомъ подъ водой ходила. Да...

— Ну, теперича, паря, давай курнемъ.

IV.

Накурившись всласть, дѣдъ приподнялся, задвинулъ дымовую продушину, огладилъ Жучку и снова легъ.

— Ну, дакъ вотъ, парень... На чемъ, бишь, я остановился-то... Да-а-а... Этово, какъ ево... Да-а-а...

Наконецъ, собравшись съ мыслями, дѣдъ началъ:

— И съ этого самого времени родитель мой, покойна головушка, въ отдѣлку загрустилъ, окончательно умомъ тряхнулся. Самое лѣто наступило, пора сѣно-

косная, тутъ только давай-давай. А онъ какъ-то утречкомъ: «Ну, прощай, баба... прощай, сынокъ... А я пойду»... — «Куда ты, что ты?»... — «Пойду счастье пытатъ». — «Очнись, одумайся»... А онъ свое. Такъ, братецъ ты мой, и скрылся. Плакали мы съ мамынькой, плакали: какъ быть, куда дѣваться? Объявили міру, стали у міра помочи просить. Вотъ всей деревней съ недѣлю по тайгѣ шарились, да развѣ сыщешь: тайга энъ какъ, конца краю ей нѣту...

А тутъ пошелъ это я съ ружьишкомъ линныхъ утокъ пострѣлять въ Еремѣ рѣчкѣ, вотъ, братецъ ты мой, подхожу, это, я къ берегу, слышу: схлопало что-то по водѣ. Я испужался, схоронился за сосну, высматриваю. Опосля гляжу: человѣкъ посередь рѣки вынырнулъ, да къ берегу по саженкамъ чешетъ. Глядѣть-глядѣть, Господи, Царь Небесный, да вѣдь это тятя. Я къ нему: «тятенька, кричу, тятенька!» Подбѣжалъ, повисъ у него на шеѣ, да ну ревѣть въ голосъ. «Ты что же это, тятенька, задумалъ?» — «А я, сынокъ, цвѣтки пытаю всякіе... Мнѣ колдовскій цвѣтокъ обязательно надо отыскать... Пойдемъ-ка». И повелъ меня въ кусты. Шалашикъ у него тамъ сдѣланъ, а кусты густушіе, вѣкъ не найти бы... Возлѣ шалаша на козлиныхъ жердочка строганая, а на ней всякія нанизаны травы: «Вотъ эти всѣ перепробовалъ, въ нихъ силы нѣту настоящей». — «Тятенька, мамынька меня за тобой послала... Пойдемъ». — «Обожди, сынокъ. Айда къ рѣчкѣ!» Вотъ повелъ меня къ рѣчкѣ. Разулся опять, разоболокся, взялъ изъ кучи одинъ цвѣтокъ бѣлый, зажалъ въ горсть, разбѣжался, да бултыхъ въ рѣчку, на самое дно. Ну, я стою, разиня ротъ, дивлюсь. Опять тятя ныркъ наверхъ по-